

Зарубежные историки о Сталинградской битве

Е. Н. Кульков*

Большое внимание уделяют зарубежные историки одному из знаковых событий Второй мировой войны — Сталинградской битве. Практически во всех их книгах, посвященных войне 1939–1945 гг. или военным событиям на советско-германском фронте, содержатся сведения о ее ходе и результатах. В некоторых книгах она является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» (Нью Йорк, 1968, на англ. яз.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999, на англ. яз.), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.), американских историков — У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью Йорк, 1972, на англ. яз.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977, на нем. яз.), немецких историков из ФРГ — М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974, на нем. яз.) Я. Пикалькевича «Сталинград: анатомия одной битвы» (Мюнхен, 1977, на нем. яз.) и др. Большое место анализу Сталинградской битвы отведено в 6-м томе коллективного труда немецких историков «Германский рейх и Вторая мировая война» (Штутгарт, 1990, на нем. яз.). История Сталинградской битвы и её воздействие на различные стороны жизни воюющих и нейтральных стран рассмотрена группой немецких историков, а также рядом историков России, США, Великобритании и других стран в сборнике статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.).

Отношение зарубежных авторов к Сталинградской битве не одинаково и не однозначно. Большинство из них основное внимание уделяет действиям немецкой стороны, пытаясь выяснить, прежде всего, вопрос, почему она потерпела катастрофу на Волге. Другие же историки, больше внимания уделяют советской стороне, стремятся отразить в своих работах героизм и мастерство вооруженных сил СССР, проявленный как в обороне, так и в наступлении. Но такие историки, к сожалению, находятся в меньшинстве.

В книге английского историка Д. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» отмечена «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании сделан вывод о том, что «именно превосходство полководческого мастерства (советского командования. — Е. К.), а не соотношение сил определило исход битвы»¹.

Английский историк Б. Питт, автор одной из книг о Второй мировой войне, считает, что «под Сталинградом решающей зимой 1942–1943 гг. полководцы Красной Армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленная таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград

* Евгений Николаевич Кульков — к.и.н., старший научный сотрудник института Всеобщей истории РАН.

стал символом великой победы, завоёванной разумной ценой»². Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград — величайшая битва всех времён» писал: «Прежде всего, следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной Армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбёжки и обстрелы, а в случае надобности, принимали участие в боевых действиях... Советская победа — это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда — «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной Армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»³.

Высокая оценка действий защитников Сталинграда приведена в книге германского историка М. Фройнда «Германская история»: «Сталинград показал, прежде всего, силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»⁴.

Германский военный историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград. Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения, как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, — пишет он, — превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской — в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»⁵.

Наряду с этими объективными оценками героизма и военного мастерства Красной Армии в зарубежной литературе одновременно пропагандировалась и пропагандируется до сих пор выдвинутая по окончании войны гитлеровскими генералами версия, согласно которой победа

Красной Армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны (когда уже не было Гитлера), — отмечает английский историк Дж. Робертс, — любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. Они утверждали, что он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, благодаря которым и была окружена 6-я армия Паулюса»⁶.

Действительно, в мемуарах бывших генералов вермахта описание Сталинградской битвы порой выглядит как обвинительный приговор Гитлеру. Бывший генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что якобы Гитлер сам признал: «За Сталинград я один несу ответственность»⁷. Манштейну вторит американский историк Э. Зимке. Он утверждает, что «поражение немецких войск под Сталинградом явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»⁸. А германский историк О. Цирер утверждает, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»⁹.

Решающий просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и многие другие усматривают в том, что Гитлер вместо того, чтобы двинуть на Сталинград все силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта, 23 июля 1941 г. в директиве № 45 приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», уже захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом они видят нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т. д.¹⁰.

Английский историк Дж. Робертс также считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой», что если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы на одном сталинградском направлении, то они смогли бы захватить город»¹¹. Но вместе с тем он в своей книге показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фрон-

та недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач¹².

В подготовленном начальником Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдером и утвержденном Гитлером 5 апреля 1942 г. плане под условным названием «Блау» группе армий «Юг» предписывалось уничтожить советские войска Юго-Западного и Южного фронтов до выхода к Дону, а затем «в ходе наступления западнее Дона захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти Кавказский хребет». Что касается Сталинграда, то брать его штурмом сходу заранее не планировалось. Группа армий «Юг» должна была в ходе наступления выйти в район западнее Сталинграда, «достичь самого Сталинграда или, по крайней мере, поставить этот город под воздействие тяжелой артиллерии с тем, чтобы его нельзя было использовать в качестве центра военного производства и путей сообщения»¹³.

Роковое влияние на ход и исход всего наступления немецких войск на южном крыле советско-германского фронта имел не только и не столько приказ Гитлера от 23 июля 1942 г., а предшествовавшие ему события в ходе операции «Блау». Разделение группы армий «Юг», перешедшей в наступление 28 июня 1942 г., на две группы армий — «А» и «Б» было осуществлено главным командованием сухопутных войск еще 9 июля 1942 г. с целью охвата с севера и юга, окружения и уничтожения войск советских Юго-Западного и Южных фронтов. Но эта цель не была достигнута. Когда передовые части двух групп немецких армий 13 июля соединились в районе Миллерово, то советских войск в окружении не оказалось. К тому времени они вместо того, чтобы стоять, как обычно, насмерть на занимаемых ими старых позициях при явно невыгодном для них соотношении сил, уже отошли далее на восток. Одна их часть заняла позиции в районе Сталинграда, а другая южнее этого города. Поэтому немецкое командование снова разделило свои войска. На сталинградском направлении оно оставило группу армий «Б», а группе армий «А», включив в её состав все имевшиеся подвижные соединения, отдало приказ наступать в южном направлении к Ростову с тем, чтобы окружить и уничтожить часть отошедших советских, которые преградили ей путь к Кавказу. Войска этой группы армий 23 июля овладели Ростовом-на-Дону, но выполнить задачу по уничтожению противостоявших советских войск им

не удалось. Они с боями отошли за Дон. Таким образом, разделение немецкой наступательной группировки на две части и начало их действий на двух расходящихся направлениях — сталинградском и кавказском — было осуществлено еще до подписания Гитлером директивы № 45. Немецкому командованию нужно было выбрать между двумя решениями: или повернуть все силы группы армий «А» с нижнего течения Дона на север с тем, чтобы она совместно с группой армий «Б» повела наступление на Сталинград или все же продолжало наступление главными силами на кавказском направлении. Первый вариант был для него неприемлем. В этом случае вся группировка немецких войск рисковала надолго оказаться скованной под Сталинградом и могла возникнуть ситуация, когда придется вообще отказаться от попытки достичь главной цели всей операции — захвата нефтеносных районов Баку. Поэтому Гитлер по совету начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала А. Йодля 31 июля принял компромиссное решение. Он приказал направить для поддержки наступления 6-й армии на Сталинград только часть войск группы армий «А» — 4-ю танковую армию.

Германский историк Г.-А. Якобсен, хотя и соглашается с тем, что заложенный в директиве № 45 замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», но все же отмечает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневром они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»¹⁴.

Английский историк М. Арнольд-Форстер считает, что еще более роковым решением Гитлера, «изменившим ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это якобы привело к крушению главной стратегической цели Германии в 1942 г., которая заключалась в захвате месторождений кавказской нефти¹⁵. О том, что провал попыток немецкого командования лишить СССР доступа к его главным месторождениям нефти на Кавказе сказался на

«судьбе всей войны», пишет и германский историк Б. Вегнер¹⁶. Но эти историки не пишут о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов. Она заключалась в том, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска проявили непревзойденное мужество и мастерство в ведении как оборонительных, так и наступательных боев и сорвали замыслы агрессора.

Летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оно оказалось не готово и в том районе, где его не ожидало, — под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское командование быстро и правильно оценило нависающее положение города на флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа.

В книгах бывших генералов вермахта и зарубежных историков, как правило, утверждает, что «роковым решением», «смертным приговором» для немецких войск под Сталинградом явился отказ Гитлера от организации прорыва 6-й армии из окружения, его приказ от 24 ноября 1942 г. удерживать любой ценой захваченные ранее позиции под Сталинградом¹⁷. Авторы этой версии обычно не раскрывают того факта, что за удержание захваченных позиций под Сталинградом выступал тогда не только Гитлер, но и другие лица из высшего командного состава вермахта, в том числе главнокомандующий германскими ВВС Г. Геринг, начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель и др. Во-вторых, к тому времени было очевидно, что советское контрнаступление под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., создало угрозу не только окружения и гибели одной 6-й армии, но и угрозу с севера и тыла группе армий «А», скованной в сентябре 1942 года боями в предгорьях Кавказа. Поэтому перегруппировка сил ослабленной в боях 6-й армии для прорыва на Запад могла лишь облегчить советским войскам задачу по её полному уничтожению и последующему разгрому немецких войск на всем южном крыле советско-германского фронта. В-третьих, версия о способности 6-й армии, имевшей к тому времени крайне ограниченный запас горючего, боеприпасов и продовольствия, относится к области необоснованных ничем гипотез. Это мнение разделяет германский историк Г.-А. Якобсен. Он пишет: «Сегодня едва ли можно в точности судить, имела бы в тот момент перспективу на успех операция прорыва кольца окружения, тем

более, что армия обладала незначительными запасами горючего и что произошло бы тогда с огромным числом раненых»¹⁸.

Того же мнения придерживается и германский историк М. Кериг. В книге о Сталинграде он показал, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была обескровлена и не могла вести активные наступательные действия. Последние недели борьбы в районе Сталинграда перед переходом Красной Армии в контрнаступление он характеризует как события, которые «своей ожесточенностью и отчаянием положили начало гибели 6-й армии»¹⁹. Далее он привел факты о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армии «Б». Поэтому у него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась её связь с тылами группы армии «Б», оказалась в руках советских войск²⁰.

Английский историк А. Бивор в книге «Сталинград» на документальной основе также показал, что с самого начала контрнаступления советских войск в штабе самой 6-й немецкой армии понимали невозможность прорыва из котла. В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что ВВС Германии не имеют возможности выделить достаточного количества транспортных самолетов, чтобы обеспечить армию необходимым для прорыва горючим, снаряжением, боеприпасами и продовольствием, что при прорыве из окружения армии придется бросить на произвол судьбы более 10 тыс. раненых и оставить противнику почти все тяжелое оружие и значительную часть транспортных средств. Не исключалось, что при отходе с ранее занятых позиций армию постигнет такая же позорная участь, как и войска Наполеона в России в 1812 года²¹.

В начале контрнаступления советских войск, как показал М. Кериг, ни штаб верховного командования вермахтом, ни Генеральный штаб сухопутных войск Германии не показали способности в критической ситуации принять «решения, которые соответствовали реальной обстановке между Доном и Волгой». По его мнению, «лишь Гитлер четко представлял масштабы угрозы для всего южного фронта» и поэтому единственно правильным было принятое им 20 ноября решение о создании новой группы

армий «Дон» во главе с генералом Э. Манштейном²². В её состав были включены соединения бывшей группы армий «Б» — 4-я танковая армия, попавшая в окружение 6-я армия, а также уцелевшие в ходе отступления остатки войск 3-й и 4-й румынских армий. Кроме того, в распоряжение группы армий «Дон» была направлена дюжина дивизий с Западного фронта, из Германии и других участков Восточного фронта. Ей была поставлена задача по прорыву фронта советских войск, окруживших 6-ю армию, и вместе с нею отвоевать ранее занимаемые немецкими войсками позиции.

Попытка деблокировать окруженную 6-ю армию потерпела провал. Американский историк У. Крейг, описывая это событие, выдвинул версию, что якобы выполнить эту задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление» выразившееся лишь в случайных выстрелах, что самые большие трудности наступавшим причиняли «оледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Далее Крейг пишет, что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось из-за непрекращавшихся штормов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной Армии²³.

Действительная причина провала начавшегося 12 декабря 1942 г. наступления котельниковской группировки противника была иной. Первоначально удар приняла на себя ослабленная в предыдущих боях 51-я армия, которая уступала противнику в людях и артиллерии в два раза, а в танках более чем в шесть раз. Тем не менее, ей удалось уже 14 декабря временно приостановить продвижение немецких войск. В тот же день по указанию Ставки на помощь 51-й армии была направлена 2-я гвардейская армия. Форсированным маршем она преодолела 200 км и уже 19 декабря вступила в сражение. Воины 51-й и 2-й гвардейской армии, проявляя массовый героизм, обескровили противника и 22 декабря заставили его отказаться от выполнения поставленной Гитлером задачи. Через два дня советские войска перешли в решительное наступление и 29 декабря освободили Котельниковский, откуда немцы пытались прорваться к Сталинграду.

М. Кериг, в отличие от Крейга, дает объективную оценку этих событий. Он отмечает ма-

стерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Он констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» — наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна распылить силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград²⁴.

Английский историк А. Бивор подробно описывает попытку немецких войск деблокировать 6-ю армию. В отличие от Крейга, он так же как и Кериг, никак не связывает ее провал с неблагоприятными погодными условиями. Вместе с тем, он констатирует, что если русские были подготовлены к войне в зимних условиях, то немцы опять, как и зимой 1941–1942 гг., оказались по вине своего командования жертвой понижения температуры. После начавшихся 16 декабря 1943 года в районе Сталинграда холодных северо-восточных ветров среди них начались массовые обморожения рук и ног, которые вели к гангрене и ампутации. Советские же войска в Сталинграде от такого изменения погоды только выиграли. Лед на Волге стал достаточно крепким, чтобы средствами сухопутного транспорта резко увеличить их снабжение всем необходимым²⁵.

Одна из версий, бытующих в зарубежной литературе, заключается в том, что без учета поддержки Красной Армии, оказанной вооруженными силами США и Великобритании, нельзя правильно оценить причины её успеха в Сталинградской битве. В подтверждение тому некоторые историки ссылаются на то, что из-за угрозы открытия второго фронта немецкое командование не смогло выделить достаточно сил и средств для достижения своих целей на советско-германском фронте в 1942 г. Так, историк из ФРГ Г. Шрётер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держаться в бездействии громадные армии на Западе»²⁶. Американский историк Дж. Стоксбери бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали

контрнаступление под Сталинградом до ноября, когда «союзные армии, как и предполагалось, сковали германские резервы в Западной Европе»²⁷. Упомянувшийся ранее У. Крейг писал в своей книге о Сталинграде о будто бы начавшейся во время Сталинградской битвы «перекачке» немецких дивизий с советско-германского фронта на Западный фронт. Чтобы подтвердить это, он ссылается на военный дневник генерала Ф. Гальдера, где якобы говорится о переброске на Запад с Восточного фронта немецкой моторизованной дивизии «Великая Германия»²⁸. Английский историк А. Бивор, пишет, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после подписания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»²⁹.

Однако подобные заявления не подтверждаются фактами. Во-первых, не соответствует действительности заявления о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились громадные силы вермахта. По немецким данным численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте — 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте — четыре³⁰. К тому же значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте. Перекачка полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот. Только с ноября 1942 года по апрель 1943 года из Германии, Франции и других стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий³¹. В третьих, утверждения о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия» являются вымыслом. В дневнике Гальдера, на который ссылается Крейг, говорится, что она действовала на сталинградском направлении³². Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 года и оставалась там до конца войны³³. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте

с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 года из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге³⁴.

Домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 года и угроза их высадки во Франции во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе» давно опровергнуты английским историком Дж. Григ. В книге «Победа, которой никогда не было» он доказал, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, — пишет он, — последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 году не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»³⁵.

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди зарубежных историков и межуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны. Так, бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цейтцлер в книге «Роковые решения» писал, что «Сталинградская битва действительно оказалась поворотным пунктом всей войны»³⁶. Своему еще не опубликованному исследованию о Сталинградской битве он дал заголовок «Поворотный пункт войны»³⁷. Германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»³⁸. Известный французский историк А. Мишель считает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне»³⁹. Английский историк А. Аксел в книге «Война Сталина глазами его командиров» обращает внимание на тот факт, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала (Ф. Паулюса. — Е. К.) подняли престиж Красной Армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию». В подтверждение тому он привёл оценку Ф. Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворот-

ного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась в Англии и Китае⁴⁰.

Однако у некоторых политиков тех стран, которые во время войны были союзниками СССР, отметил Аксел, оказалась короткая память. Во время так называемой холодной войны они стали утверждать, что победа Красной Армии под Сталинградом над немецко-фашистскими захватчиками была якобы поражением «демократического мира». К числу таких политических деятелей Аксел отнёс, прежде всего, американского сенатора Й. Маккарти, который в 1952 г. заявлял, что «с русской победы под Сталинградом» якобы «началась третья мировая война», и американского профессора экономических наук В. Ростоу, заявившего в 1962 г. о том, что якобы «начало холодной войны следует отнести ко времени, когда стало ясно, что русские могут удержать Сталинград, то есть с 1943 года»⁴¹.

Конечно, холодная война наложила значительный отпечаток на многие работы историков США, Великобритании, ФРГ и других стран. Как правило, в них Сталинградская битва рассматривалась и рассматривается до сих пор как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимаются попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый в её ходе блестящий успех Красной Армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий. В некоторых из них, на наш взгляд, все же правильно отмечается, что битва на Волге стала великой победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования «Третьего рейха». Германский историк М. Фройнд, критикуя нацистскую пропаганду, которая во время Сталинградской битвы пыталась сравнивать её с безрезультатно окончившейся кровопролитной битвой на истощение под Верденом во время Первой мировой войны, писал: «Сталинград превратился в нечто худшее, чем Верден, в такую катастрофу, от которой рейх больше не оправился»⁴². Другой германский историк Х. Умбрайт считает, что любые попытки германского командования изменить ход войны на советско-германском фронте после Сталинградской битвы были обречены на провал. «Германия, — пишет он, — все равно не смогла бы выиграть войну у Советского Союза. Это стало невозможным после гибели 6-й армии и сначала поэтапного, а затем уже непрерывного

отступления Восточной армии на Запад». «После катастрофы под Сталинградом, — отмечает он, — военное поражение в войне против СССР стало уже очевидным для всего мира»⁴³.

С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и её итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. Английский историк Дж. Эриксон, например, писал: «Если победа под Полтавой в 1709 году вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁴⁴.

Другой английский историк Филипп М. Х. Белл также считает, что после Сталинграда стало ясно, что «Советский Союз выиграет свою войну и станет великой державой». В подтверждение тому он привел два факта. К одному из них он отнес решение английского правительства от 4 февраля 1943 г. впредь «относиться к Советскому Союзу как к партнеру того же ранга, что и Соединенные Штаты», и обсуждать с ним свои планы. Это намерение, по мнению Белла, было трудно осуществить, потому что вести переговоры с СССР якобы «было не так-то просто». Еще больше он сокрушается по поводу того, что не только в Лондоне, но и Вашингтоне стали рассматривать СССР как великую державу. В связи с этим он задается вопросом: «Что произошло бы, если бы Соединенные Штаты решили посоветоваться сначала с Советским Союзом, а Великобритании пришлось бы довольствоваться ролью аутсайдера?» Чтобы придать видимость правомерности такого вопроса, Белл сообщил, что вскоре после победы под Сталинградом в мае 1943 года президент Рузвельт предложил Сталину провести переговоры в районе Берингова пролива без участия в них Черчилля, что эти переговоры не состоялись потому, что якобы «Сталин отклонил это предложение»⁴⁵.

Действительно, 5 мая 1943 года Рузвельт предложил Сталину встретиться, так как хотел ослабить недовольство советской стороны неоднократным отказом союзников открыть второй фронт во Франции. Однако это предложение, вопреки предположению Белла, вряд ли могло отразиться на характере давно установившегося англо-американского сотрудничества. Рузвельт писал Сталину, что он уверен в скором овладении союзниками Тунисом и поэтому на следующей неделе вместе с Черчиллем приступит к работе «над второй фазой наступления». Далее

Рузвельт сообщил, что по предположению американских военных штабов Германия может летом предпринять развернутое наступление на центральном участке советско-германского фронта. В этом же письме Рузвельт предлагал Сталину «этим летом» несколько дней посвятить переговорам с ним с целью согласовать по времени многочисленные шаги в дальнейшем на тот случай, если оправдаются надежды, что «историческая оборона русских, за которой последует наступление, может вызвать крах Германии следующей зимой»⁴⁶. Сталин 26 мая сообщил Рузвельту, что действительно этим летом — возможно еще в июне месяце — следует ожидать нового крупного наступления гитлеровцев на советско-германском фронте и поэтому он, в связи с подготовкой войск к отражению этого наступления, должен пока находиться в своей Ставке. Но Сталин не отказался, как утверждает Белл, от встречи с Рузвельтом. Он предложил провести ее не в июне, а в июле или августе 1943 года⁴⁷. Это была не отговорка с целью уклониться от встречи. Советская разведка с начала апреля доносила в Ставку, что немецкое командование ведет подготовку для проведения новой наступательной операции в районе Курска⁴⁸. Рузвельт в ответном письме 4 июня 1943 г. сообщил Сталину, что он и Черчилль уже одобрили план предстоящего наступления на Италию и что в связи с этим подготовка к открытию второго фронта во Франции затянется до весны 1944 года⁴⁹. Это означало, что, как и прежде, вся тяжесть борьбы против главных сил Германии ляжет на плечи Советского Союза.

По мнению английского историка А. Буллока, Сталинградская битва была «одним из самых ожесточенных сражений Второй мировой войны», «поворотным пунктом войны на Восточном фронте»⁵⁰. Этой же точки зрения придерживается большинство зарубежных историков.

«После Сталинграда стратегическая инициатива перешла в руки Советского Союза, — пишет Дж. Робертс, — и он уже не терял её до самого конца войны. Но будет неправильно говорить о том, что дорога от Сталинграда до Берлина была усыпана для Красной Армии одними лавровыми венками. Советским войскам предстояло участвовать ещё во многих сражениях и кампаниях. Однако после Сталинграда вопрос о том, кто одержит победу в войне, уже не стояло на повестке дня, оставалась только одна проблема — когда именно Германия потерпит поражение»⁵¹.

Отмечая, что «советская победа под Сталинградом была коренным переломом в войне на Восточном фронте», этот историк, вместе с тем, подчеркивает, что «Восточный фронт являлся главным фронтом Второй мировой войны. На него пришлось 80% суммарного объема всех боевых действий Второй мировой войны и 90% потерь в них германских войск. Немцы лишились на Востоке 600 дивизий и 10 млн убитых, раненых, пропавших без вести или попавших в плен солдат»⁵².

Видимо потому, что советско-германский фронт с самого начала Великой Отечественной войны до последнего её дня оставался главным фронтом Второй мировой войны, на котором велась борьба между двумя самыми мощными армиями на Европейском театре войны и именно в ходе этой борьбы под Сталинградом Красная Армия одержала грандиозную победу, Робертс в названии своей книги с полным на то правом подчеркнул, что с именем Сталинграда связана «битва, которая изменила историю».

Выдающуюся роль Сталинградской битвы отмечал ранее и английский историк Б. Лиддел Гарт. В предисловии к книге Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» он писал: «Сталинградская битва была наиболее длительной битвой Второй мировой войны и оказалась самой решающей»⁵³.

Но эту точку зрения разделяют далеко не все. Германский историк Г.-А. Якобсен, отмечая, что Сталинградская битва была «одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны», вместе с тем, заявляет, что для Германии она не была «лишь одним, имеющим решающий характер поражением стратегического масштаба». По его мнению, равноценные Сталинграду поражения Германия понесла в сражении под Эль Аламейном в ноябре 1942 года и при отступлении немецких войск в Тунисе, закончившегося их капитуляцией весной 1943 года «Эти три события, — утверждает он, — и произошедший весной 1943 года крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт войны»⁵⁴.

Немецкий историк своими словами во многом пересказывает выдвинутую ранее американскими историками Э. Зимке и Дж. Шентоном версию, согласно которой победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 года была «вторым Сталинградом». Фашизму было нанесено «поражение, равное по своим масштабам Сталинграду»⁵⁵, — так эта версия

затем перекочевала в некоторые немецкие издания о Второй мировой войне, а также в книги о Сталинграде. Так, Ф. Форстмайер, бывший начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера, в предисловии к книге М. Керига «Сталинградской битва» утверждал, что «ощутимый поворот в войне произошел в 1942 г. в результате двух событий — высадки союзников в Северной Африке и советского наступления против южного крыла немецкого Восточного фронта». Но, по мнению Форстмайера, «более убедительно поворот обозначился не на советско-германском фронте, а в Северной Африке»⁵⁶.

Можно согласиться, что поворот в войне в целом обозначился в ходе побед антигитлеровской коалиции на рубеже 1942–1943 годов на советско-германском фронте и в Северной Африке. Но по длительности и количеству участвовавших в борьбе войск, по размаху вооруженной борьбы, по потерям, нанесенным агрессором, ни одна из успешных операций, проведенных англо-американцами, не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 года), длившемся 13 дней, англичанам противостояло четыре немецких и восемь итальянских дивизий (т. е. всего 12 дивизий) общей численностью около 80 тыс. человек, тогда как в Сталинградской битве, длившейся 200 дней и ночей, в группировке противника, противостоявшей советским войскам перед контрнаступлением, насчитывалось 49 дивизий, в которых насчитывалось более одного миллиона человек. Причем под Эль-Аламейном итало-немецким войскам удалось отступить, а под Сталинградом была окружена и ликвидирована группировка общей численностью более 330 тыс. человек, полностью было разгромлено 32 дивизии и три бригады Германии и ее союзников⁵⁷. Также было бы неверно к Сталинградской битве приравнивать и капитуляцию итало-немецких войск в Тунисе в мае 1943 года. Этот успех союзников во многом предопределило то, что с весны 1942 года германское командование особое значение придавало ведению войны против СССР, а не в Северной Африке.

Немецкие войска в Африке были слишком малочисленны даже для того, чтобы нанести поражение английским войскам, находившимся там еще до высадки англо-американских войск в ноябре 1942 года в Алжире и Марокко. Возможность увеличить свои силы и выиграть

борьбу в Африке немецкое командование рассматривало после достижения так называемой «окончательной победы» над СССР в 1942 году. Но этот расчет не оправдался. После поражения вермахта под Сталинградом руководство Германии смирилось с мыслью о потере Северной Африки. Уже в марте 1943 года командующий немецкими войсками в Северной Африке генерал-фельдмаршал Э. Роммель был отозван в Германию, потому что «Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один немецкий фельдмаршал»⁵⁸.

Некоторые американские историки для доказательства тезиса о том, что, мол, успех англо-американских войск в Африке был «более результативным», чем победа советских войск под Сталинградом, пишут, что в Тунисе капитулировало 275 тыс. итало-немецких войск⁵⁹. Примерно такую же цифру можно встретить и в книгах о войне, принадлежащих перу историков из ФРГ. Так, Г. Шрайбер, ссылаясь на американскую литературу, утверждает, что в Тунисе англо-американцам сдалось в плен примерно от 267 до 275 преимущественно испытанных в боях итальянских и немецких солдат. «Принимая во внимание этот факт, — пишет он, — не будет преувеличением утверждение, что Тунис по чисто количественным показателям означал для агрессоров второй Сталинград»⁶⁰. А Ю. Фёрстер заявляет, что «падение Туниса было, с оперативной точки зрения, более крупным поражением, там оказалось в плену большее количество солдат, чем в Сталинграде»⁶¹. Такими утверждениями эти историки пытаются ввести в заблуждение тех читателей, которые не знают подлинной истории войны и ничего не смыслят в военном деле. Получается, что военная значимость той или иной битвы или сражения должна определяться количеством взятых в плен, а не уничтоженных войск противника. Интересно, как Шрайберу и Фёрстеру пришлось бы оценивать успех союзников Тунисе, если бы советские войска в Сталинградской битве вообще не стали бы брать сдавшихся в плен 113 тыс. немецких и румынских солдат⁶² и полностью уничтожили окруженную ими 330-тысячную германо-румынскую группировку.

Однако даже по вопросу о количестве итало-немецких войск, сдавшихся в Тунисе, среди зарубежных историков нет единого мнения. Однажды английский историк Б. Лиддел-Гарт обратил внимание читателей на то, что из немецких документов явствует: к началу мая 1943 года

в итало-германской группировке в Северной Африке имелось только 170–180 тыс. человек. «Трудно понять, — писал он, — почему число пленных почти в полтора раза превышает указанную выше численность немецко-итальянских войск»⁶³. Согласно данным бывшего немецкого генерала З. Вестфала, из них в плен попало 150 тыс.⁶⁴. А английский историк А. Тейлор утверждает: «Союзники взяли в плен примерно 130 тыс., в послевоенных отчетах эта цифра выросла до 150 тыс.». Далее он отмечает: «Пять месяцев потребовалось объединенным силам США и Англии на то, чтобы разбить немецкие войска, состоявшие обычно из двух, максимум четырех дивизий»⁶⁵. Согласно вызывающим наибольшее доверие сведениям, немцы при капитуляции в Северной Африке потеряли 6 дивизий, в которых насчитывалось 94 тыс. солдат и офицеров⁶⁶.

Бесспорно одно: германский вермахт не понес в Тунисе потерь, которые могли бы существенно подорвать его боеспособность. Командующий экспедиционными силами союзников в Северной Африке генерал Д. Эйзенхауэр в письме в Вашингтон в июне 1943 года отмечал, что действия вверенных ему войск окажут «весьма ничтожное» влияние на ход борьбы Советского Союза⁶⁷.

Среди зарубежных историков, особенно среди историков ФРГ, нет единого мнения и о месте Сталинградской битвы в истории войны 1939–1945 гг. Согласно одной из них, катастрофа вермахта в битве на Волге была следствием поворота во Второй мировой войне, начавшегося на советско-германском фронте уже в начале войны против СССР и завершившегося первым стратегическим поражением вермахта в Московской битве. Основанием для появления такой версии явился выход в свет в 1973 году книги германского историка К. Райнхардта «Поворот под Москвой: крах гитлеровской стратегии зимой 1941/1942 года». В ней на документальной основе показано, что в конце августа 1941 года потерпело крушение намерение немецкого командования победоносно закончить войну против СССР до наступления осени 1941 года, что в сентябре–октябре 1941 года Красная Армия в оборонительных сражениях сорвала попытку немецкой группы армий «Центр» в ходе операции «Тайфун» захватить Москву и окончательно спутала расчеты немецкого командования на быстрое завершение кампании на Востоке, поставила под угрозу провала программу всех

последующих завоеваний фашистского рейха. Провал нового наступления немецких войск на Москву в ноябре и успех контрнаступления Красной Армии в декабре 1941 — январе 1942 гг. позволили Райнхардту сделать вывод о том, что под Москвой Германия утратила «шансы на успешное ведение войны» и «потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание его рейхом мирового господства»⁶⁸.

Содержание этой книги убедило многих историков в том, что поражение немецких войск под Москвой привело к повороту в ходе Второй мировой войны, обусловившем в дальнейшем поражение Германии и её союзников на всех фронтах. Так, Г. Шрайбер в одной из своих работ пишет, что Гитлер в связи с «зимней катастрофой 1941–1942 гг.», по словам Йодля, признал, что после «такого кульминационного пункта в начинающемся 1942 году нельзя рассчитывать ни на какую победу». Шрайбер согласен с тем, что «германская армия на рубеже 1941–1942 гг. попала в самый опасный кризис со времени начала восточного похода», что, однако, вплоть до конца лета 1942 года агрессоры на Дальнем Востоке, Северной Африке и в Советском Союзе «маршировали дорогой побед». Это, по его словам, «делает понятным, почему поворот в войне..., который действительно наступил уже в конце 1941 г., когда молниеносная война превратилась в войну на истощение и начала формироваться сверхмощная антигитлеровская коалиция, был осознан современниками лишь в 1943 году». Завершение поворота в войне, начавшегося в битве под Москвой, он связывает с победами антигитлеровской коалиции в конце 1942 — первой половине 1943 гг.⁶⁹.

В книге, посвященной истории нацистской Германии, немецкие историки — директор Института современной истории Х. Мёллер и сотрудники этого института Ф. Дам и Х. Меринг пишут, что «поворот во Второй мировой войне по существу начался уже в те утренние часы 22 июня 1941 года, когда вермахт при поддержке финских и румынских союзников и нескольких венгерских соединений без объявления войны напал на Советский Союз. Об ожесточенности и драматизме борьбы на Восточном фронте говорит тот факт, что этот перелом вырисовывался сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону, и все же немецкая сторона уже поздним летом была вынуждена признать, что наступление, которое замыслилось как молниеносная

война, развивается совсем иначе, а не так, как планировалось. Хотя этот поворот начал обозначаться сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону». Далее эти историки пишут, что зимой 1941–1942 гг. СССР «разрушил ореол немецкой непобедимости», а США вступили в войну, после чего «военное и материальное превосходство союзников стало столь велико, что их победа над державами оси была лишь вопросом времени». Все последующие и оборонительные и наступательные действия вермахта они считают бессмысленными. По их мнению, бессмысленность продолжения войны Германией нигде и никогда раньше не проявлялась столь наглядно, как во время боев за «сталинградский котел». В Сталинградской битве они видят «символ поворота во Второй мировой войне, который действительно наступил зимой 1942–1943 гг.»⁷⁰.

Такая трактовка поворота в войне не устраивает многих военных историков ФРГ. По мнению Б. Вегнера, она страдает «упрощенным представлением о том, что сражения 1942–1945 гг. представляют собой лишь приведение в исполнение смертного приговора «Третьему рейху»⁷¹.

При этом Вегнер утверждает, что оценка катастрофы вермахта под Сталинградом как поворота во Второй мировой войне является плодом лишь «субъективного восприятия» её современниками как в самой Германии и союзных ей странах, так и в странах антигитлеровской коалиции. На самом деле, по его мнению, ко времени Сталинградской битвы и так уже всем было ясно, что Германия войну проиграет, что гарантией тому было превосходство в силах и решимость антигитлеровской коалиции довести войну до победы, особенно успехи в США в разработке ядерного оружия. Он готов согласиться с теми историками, которые считают победу Красной Армии в битве на Волге поворотом только в советско-германской войне, но с оговорками. В его представлении событие под Сталинградом явилось лишь последним пунктом в процессе постепенной утраты Германией имевшихся у неё реальных шансов на победу в «войне на Востоке». К существенным пунктам этого процесса Вегнер относит те события, которые разворачивались не в пользу Германии в войне против СССР якобы в основном из-за некомпетентного вмешательства в них Гитлера. К ним он отнес Смоленскую битву в июле 1941 года, из-за которой произошла приостановка немецкого наступления на Москву, пора-

жение вермахта под Москвой в декабре того же года, перебазирование летом и осенью 1941 года большей части советской промышленности из угрожаемых районов европейской части СССР в восточные районы страны, которое, по мнению Вегнера, стало для Германии «экономическим Сталинградом», а также решение Гитлера о разделении операции «Блау» на две части в июле 1942 года. В этом процессе последним звеном стал разгром вермахта под Сталинградом⁷².

Видимо, исходя из такого же представления о динамике и значении этих событий, происходивших на советско-германском фронте, начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера Г. Рот утверждает, что «Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны»⁷³. Ему вторит и сотрудник этого управления Ю. Фёрстер: «Сталинград не является вехой, означавший поворот во Второй мировой войне»⁷⁴. Такие утверждения не новы. Английский историк А. Тейлор в книге о Второй мировой войне, вышедшей в свет в 1975 году, а затем переведенной на русский язык и изданной в России в 1995 году, писал: «Сталинград, быть может, вопреки частым утверждениям, не был решающей битвой Второй мировой войны... В марте 1943 года немцы все еще стояли на рубежах, откуда начали наступление 1942 года. Они восстановили свой боевой дух и показали под Харьковом, что снова господствуют на поле боя. Именно немцы, а не русские предприняли наступление, когда кончился сезон боевых действий 1943 года. Тем не менее, победа русских под Сталинградом в гораздо большей мере, чем оборона Москвы, развеяла миф о непобедимости Германии. Сам Гитлер сказал Йодлю: «Бог войны перешел на другую сторону»⁷⁵. Что можно сказать по поводу этих рассуждений Тейлора. Прежде всего, нельзя сводить историческую победу советских войск под Сталинградом лишь к кратковременной потере агрессором боевого духа, так как потеря в этой битве примерно полутора миллионов солдат представляла для «Третьего рейха» прежде всего подрыв его военной мощи. Ссылка на события под Харьковом также несостоятельна. Хотя немецкому командованию в конце февраля — начале марта 1943 г. удалось организовать кратковременное контрнаступление группы армий «Юг» и вытеснить передовые части советских войск из только что освобожденного ими Харькова, но

вернуть утраченную стратегическую инициативу оно не смогло. Очень скоро немецкая группировка была остановлена советскими войсками на Северском Донце и в районе Белгорода, а затем перешла в глухую оборону на тех же рубежах, которые немецкие войска занимали пред началом летнего наступления 1942 года на южном крыле Восточного фронта. «Господами положения на поле боя» немцы так и не стали. Примечательно, что в некрологе Манштейну, командовавшему после Сталинграда группой армий «Юг», опубликованном в ведущем военном журнале ФРГ «Веркунде» отмечалось, что ему весной 1943 года удалось добиться в районе Харькова лишь «оборонительной победы»⁷⁶.

В ходе зимней кампании 1942–1943 гг. Красная Армия осуществила наступление на огромном пространстве от Балтики до предгорий главного Кавказского хребта на глубину 600–700 километров, разгромила войска противника под Сталинградом, нанесла тяжелое поражение противнику на Северном Кавказа, на Среднем и Верхнем дону, в районе Воронежа, прорвала блокаду Ленинграда. При этом наибольший успех был достигнут на южном крыле советско-германского фронта, где советские войска очистили от захватчиков более 480 тыс. квадратных километров территории, вызволили из фашистской неволи миллионы советских людей. Важным итогом наступления

1942–1943 гг. явилось выдвижение советских войск в район западнее Курска и отражение ударов противника на этом участке фронта. Сложившийся в ходе сражений Курский выступ послужил исходным плацдармом для последующих успешных операций на орловском и харьковском направлениях.

В заключение следует сказать, что независимо от того, как некоторые зарубежные историки пытаются приуменьшить значение Сталинградской битвы, остается фактом, что она была важнейшим историческим рубежом на пути к победе народов СССР и их вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Победа, одержанная в ней Красной Армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии германских союзников полностью утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная Армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем, сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

¹ Jukes G. Stalingrad: The Turning Point. New York. 1968. С. 154.

² The History of the Second World War. London. 1968. Vol. 3. № 15 (cover); Great Battles of the 20th Century. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.

³ Le Figaro. 1972. 28 août

⁴ Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh. 1973. S. 1401.

⁵ Kehrig M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart. 1974. S. 11.

⁶ Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с англ. М., 2003. С. 30.

⁷ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 395.

⁸ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washigton, 1968. P. 80.

⁹ Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gütersloh, 1976. S. 115.

¹⁰ Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Düsseldorf und Wien, 1977. S. 107–108.

¹¹ Робертс Дж. Ук. Соч. С. 63.

¹² Там же. С. 28, 57.

¹³ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945: Dokumente der Oberkommandos der Wehrmacht. Hrsg. von W. Hubatsch. Koblenz, 1983. S. 186.

¹⁴ Вторая мировая война. Взгляд из Германии : сб. статей. Пер. с нем. М., 2005. С. 190.

¹⁵ Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.

¹⁶ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 28.

¹⁷ Вестфаль З. и др. Роковые решения: Пер. с англ. М., 1953. С. 170–171; Seydlitz W. Stalingrad: Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1972. S. 200; Craig W. Enemy at the Gates: The Battle for Stalingrad. N.Y., 1974. P. 250, 272

- 18 Вторая мировая война. Взгляд из Германии. Указ. соч. С. 193.
- 19 *Kehrig M.* Op. cit., S. 37.
- 20 *Kehrig M.* Op. cit. S. 43, 52, 88–89, 136–137, 141.
- 21 *Beevor A.* Stalingrad. London. 1999. S. 267–268.
- 22 *Kehrig M.* Op.cit. S. 148–150.
- 23 *Craig W.* Op. cit. P. 218–228.
- 24 *Kehrig M.* Op. cit. S. 371.
- 25 *Beevor A.* Op. cit. P. 302–304.
- 26 *Der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
- 27 *Stokesbury J. A.* A Short History of World War II. New York, 1980. P. 239.
- 28 *Craig W.* Op. cit. P. 19.
- 29 *Beevor A.* Op. cit. P. 81.
- 30 *Förster G. und andere.* Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195–197
- 31 См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
- 32 См. *Гальдер Ф.* Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 351.
- 33 См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
- 34 Там же. С. 277, 285, 409.
- 35 *Grigg J.* 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93.
- 36 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 209.
- 37 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* München, 2007. Bd. 8. S. 6. Anm. 25.
- 38 *Zentner K.* Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges. München, 1973. S. 439.
- 39 *Michel H.* La Seconde guerre mondiale. Paris, 1977. T. 1. P. 467.
- 40 *Axell A.* Stalin's War through the Eyes of his Commanders. L., 1997. P. 89.
- 41 Ibid. S. 90.
- 42 *Freund M.* Op. cit. S. 1407.
- 43 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 152, 156.
- 44 *Erickson G.* The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.
- 45 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 393.
- 46 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 62–63. (Далее: Переписка...)
- 47 Там же. С. 65.
- 48 *Rado S.* Dora meldet. Berlin, 1974. S. 344–345.
- 49 Переписка... С. 66–68.
- 50 *Булок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Пер. с англ. Смоленск, 1994, С. 422, 429.
- 51 *Робертс Дж.* Ук. соч. С. 27.
- 52 Там же. С. 30.
- 53 *Jukes G.* Op. cit. P. 6.
- 54 Вторая мировая война. Взгляд из Германии. С. 194.
- 55 *Ziemke E.* Op. cit. P. 80. *Shenton J., Benson J., Jakoubek R.* These United States. Boston, 1978. P. 570–572.
- 56 *Kehrig M.* Op. cit. S. 9.
- 57 Война. Народ. Победа. 1941–1945 (в 2-х книгах) М., 2008. С. 264; Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 47, 49.
- 58 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 211.
- 59 *Beitzell R.* The Uneasy Alliance. New York, 1972. P. 65–80; *Wilz J.* Modern Americann History. Philadelphia. 1979. P. 547.
- 60 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* München, 2007. Bd. 8. S. 547.
- 61 Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Указ. раб. С. 11.
- 62 Там же. С. 118.
- 63 *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1976. С. 412.
- 64 *Вестфаль З. и др.* Роковые решения. С. 211.

- ⁶⁵ Taylor A. The Second World War. London, 1975. P. 177.
- ⁶⁶ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 131.
- ⁶⁷ The Papers of D. D. Eisenhower. The War Years. Baltimore and London, 1970. Vol. 3. P. 347.
- ⁶⁸ См. рецензию: Поворот под Москвой // Военно-исторический журнал, 1974. № 11. С. 105–110.
- ⁶⁹ Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K. D. Bracher, M. Funke. H.–A. Jacobsen. Bonn, 1992. S. 354, 355.
- ⁷⁰ Die tödlich Utopie: Bilder. Texte. Dokumente. Daten zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mer-
ing unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001. S. 377–378, 399–400.
- ⁷¹ Вторая мировая война. Дискусии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 513.
- ⁷² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. München, 2007. Bd 8. S. 6–8.
- ⁷³ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. С. 6.
- ⁷⁴ Там же. С. 11.
- ⁷⁵ Тейлор А. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 498.
- ⁷⁶ Wehrkunde, 1973. Heft 4. S. 102.